

РОССИЯ И КИТАЙ: ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН

© 2017 Н. СЕМЕНОВА

Анализируется историческое формирование государственных геополитических кодов России и Китая, являющихся основой традиционных внешнеполитических доктрин. Выстраивание современных российско-китайских отношений и создание каких-либо прогнозов по их дальнейшему развитию невозможно осуществить без тщательного анализа прошлого, истории взаимоотношений двух государств. При анализе исторического формирования внешнеполитических доктрин России и Китая, несмотря на цивилизационные различия, обозначается некоторое сходство в установках, которые при наличии своеобразных национальных традиций в разные периоды истории приводили к столкновению национальных интересов двух стран.

Ключевые слова: Китай, Россия, китайский мировой порядок, становление российской внешней политики

RUSSIAN AND CHINA: FEATURES OF TRADITIONAL FOREIGN POLICY DOCTRINES

Nelly K. SEMENOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (semenovanelli-2011@mail.ru)

The historical formation of state geopolitical codes of Russia and China, which are the basis of traditional foreign policy doctrines, is analyzed. The formation of modern Russian-Chinese relations and the creation of any forecasts for their further development can't be achieved without a thorough analysis of the past, the history of the relations between the two states. When analyzing the historical formation of the foreign policy doctrines of Russia and China, despite the civilizational differences, some similarities in the installations are indicated, which, in the presence of original national traditions, in different periods of history led to a clash of the national interests of the two countries.

Keywords: China, Russia, the Chinese world order, the formation of Russian foreign policy

Выстраивание современных российско-китайских отношений и создание каких-либо прогнозов по их дальнейшему развитию невозможно осуществить без тщательного анализа прошлого, истории взаимоотношений двух государств, без учета сильного влияния консервативных традиций Китая, их воздействия на его внешнюю политику.

КИТАЙСКИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

В Китае на основе традиционного представления о собственной этнической общности, как о единственном центре человеческой цивилизации, сформировалась внешнеполитическая парадигма идеологии китаецентризма. Ассоциации с древними традициями вызывают сохранившееся в современном китайском дипломатическом протоколе конструирование взаимоотношений на основе идеологических факторов и личностных отноше-

ний партийных вождей и идеологов, использование иерархизированных категорий, гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу к международным проблемам, обостренное чувство престижности и независимости [3, p.11].

Одним из ключевых феноменов социологии XX в. является национализм в его европейских формах, вера в уникальность и безусловную ценность европейских национальных культур. В то же время китайская националистическая идеология базируется на уверенности в культурном превосходстве и универсальной применимости собственных традиционных ценностей, на иррациональном представлении о собственной этнической общности как о единственном центре человеческой цивилизации и склонности рассматривать ценности любого другого народа исключительно сквозь призму ценностей своего собственного социума [16, p.15]. Формирование основных принципов, на которых китайские правители строили взаимоотношения с близкими и дальними соседями, протекало одновременно с процессом становления государственности, оформления идеологи-

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна, н.с., Институт востоковедения РАН. РФ, 115230, Москва, ул. Рождественка, 12 (semenovanelli-2011@mail.ru)

ческих и политических основ китайского общества. При этом создаваемая система внешнеполитических отношений копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникших в самом Китае.

Под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир [4, р. 43]. Составляющие «систему вассалитета», формальные проявления «покорности», такие, как соблюдение определенных «протокольных» норм и ритуалов, соответствующий язык в официальной переписке - высокомерный с китайской стороны и уничижительный со стороны «покорного вассала», не являлись чем-то уникальным в международной практике древности и средневековья. Однако только в Китае был настолько детально разработан и столь скрупулезно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной. Все это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность, системы международных отношений, функционировании некоего своеобразного «китайского мирового порядка» [4, р. 3].

Концепция «открытости» китайской цивилизации для всех, кто попадает в поле ее влияния, и неизбежной культурной ассимиляции, а фактически, китаизации других народов, искренняя уверенность, что рано или поздно все народы пойдут по «пути Китая», стала внешнеполитической парадигмой идеологии китаецентризма [11].

Определенная переоценка ценностей традиционной доктрины «вассалитета» произошла только тогда, когда впервые в истории «не сработал» принцип постепенной ассимиляции Китаем «варваров», пришедших на этот раз из Европы. Однако настойчивые попытки последующих миссий добиться уважения Китаем принятых к XIX в. абсолютным большинством государств норм и обычаев международного права закончились безрезультатно и вызывали лишь недоумение и раздражение китайской стороны [15, р. 51]. «Поступиться принципами» китайские императоры династии Цин не могли, т.к. рисковали «потерять лицо» в глазах своих подданных и действительно лишиться легитимности своей власти и трона. Этим инстинктом самосохранения и стремлением продемонстрировать показное величие объясняется особое упорство и щепетильность, с которыми маньчжуры отстаивали устои конфуцианской идеологии и атрибуты «даннического» протокола» [15, р. 52].

«Договорное унижение» Китая в результате

его сокрушительного поражения в «опиумных войнах» 1840-1842 гг. и 1856-1860 гг. вскоре было идеологически компенсировано концепцией «системы неравноправных договоров», а практическая внешнеполитическая деятельность стала явно носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей ее изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратегическая дипломатия» (термин «стратагема» означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника [21]), обеспечивающая реализацию стратагеми и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства [15, р. 52].

Перехода от традиционных «даннических» к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью наций» не произошло. При формировании договорных отношений в новое время древнекитайская система «вассалитета» и основанный на ней «даннический» протокол не исчезли бесследно, традиционная культура оказалась недостаточно гибкой. Подтверждение этому - эволюция китайской государственности в духе китаецентризма: борьба Сунь Ятсена за право называться «собирателем китайских земель» [12, р. 28] и культивирования «китаизированного марксизма» Мао Цзэдуна - марксистская концепция стадийно-формационного социального развития, выстраивающая некую градацию народов и стран по критерию классовой и иной «зрелости» [11]. Употребление в китайских СМИ иерархизированных категорий («старший брат», «партия-отец», «третий мир», «сверхдержава», «гегемонизм» и т.п.), гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу ко всем международным проблемам, обостренное чувство престижности и независимости, боязнь полной идентификации позиции КНР с позицией любой другой державы, традиционные навязчивые иерархизированные атрибуты стали стилем китайской дипломатии и вызывают ассоциации с традиционным прошлым [10, pp. 34-38].

В этом контексте необходимо упомянуть о том, что в современных китайских публикациях продолжает выдвигаться тезис «священных китайских территорий», отстаивается концепция «единой китайской нации», народности некоторых сопредельных с Китаем стран называются «ответвлениями» этой нации. В работе ведущих отечественных сиологов А.Д.Воскресенского и С.Г.Лужянина «Политика Китая в Центральной Азии»

[6, p. 313] указывается, что в научных статьях и книгах китайских исследователей история «отделяется» от сегодняшних дружественных отношений между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии. Однако на повестке дня остаются «традиционные китайские представления о Центральной Азии как «сфере влияния китайской цивилизации», «периферии» китайской империи, которую «иностранные центры силы» в недалеком прошлом пытались либо отторгнуть, либо поставить под свой контроль, ослабив там влияние Китая. До сегодняшнего дня эти представления рассматриваются в китайской научной, аналитической и учебной литературе, влияют на сегодняшнюю внешнюю политику страны, на принятие внешнеполитических решений китайской элитой» [6, p. 317].

До недавнего времени малая выразительность и недостаточная акцентированность внешнеполитического курса Пекина, дистанцирование от роли лидера укладывались в рамки китайской традиции. Председатель Мао Цзэдун утверждал, что Китай не собирается становиться сверхдержавой. Дэн Сяопин оставил преемникам своеобразное политическое завещание: «Внимательно наблюдай, обеспечивай нашу безопасность, решай вопросы хладнокровно, скрывай наши возможности и жди нашего времени; умея оставаться в тени и никогда не объявляй лидерства» [17, pp. 14-27]. Однако в 1985 г. глава КПК Ху Яобан заявил, что КНР достигнет статуса сверхдержавы к 2049 г. - к столетию основания народной республики. Дэн Сяопин был более осторожен в оценках. По его расчетам, к 2049 г. Китай мог стать лишь средне-развитым государством. Однако на съезде Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся в 2012 г., было подтверждено, что статуса сверхдержавы Китай достигнет к 2049 г. Ведущие отечественные синологи констатируют факт реализации стратегии становления Китая как великой державы [22].

Идея «нации Китая» (чжунхуа миньцзу), принадлежащая Сунь Ятсену, пройдя через столетие, вошла в идейно-политический арсенал «третьего», «четвертого поколения» и перешла по наследству новому, «пятому поколению китайских руководителей» в виде идеи «великого возрождения нации Китая», но уже с обновленным смыслом, с учетом современных реалий, новым направлением и новой формой реализации. Она воплощена в глобальной стратегии внешнеэкономического наступления, получившей известность под девизом «идти вовне» (цзоу чуцзюй). Цель стратегии - пре-

вратить КНР к 2020-2030 гг. в самую экономически мощную державу мира [7, pp. 80-90].

Си Цзиньпин, говоря о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения» [20], в стратегические задачи которой вписана Концепция Экономического Пояса Шелкового Пути (ЭППШП). В отдельном разделе Концепции [24, pp. 242-259] присутствует тезис о том, что Китай не только по-прежнему привержен «политике открытости», но и намерен следовать ее новому варианту. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям (цюень фанвей кайфан) [5]. В своей внешнеполитической стратегии КНР объективно опирается, в большей мере, на детерминанты глобального уровня [13], стремясь трансформировать под свои национальные интересы современную архитектуру международных отношений.

Понятие «мягкая сила», впервые упомянутая в древнекитайском тексте «Канон Пути и благодати» (Дао дэ цзин, IV/V/VI вв. до н.э.), открыто для западной научной мысли в концепте «культурно-идеологической гегемонии» [8]. А.Грамши и введено в современный научный оборот Дж.Наем*. «Мягкая сила» (*soft power*) рассматривается как способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [29].

Многовековой опыт Китая в использовании этого концептуального подхода раскрывает китайский тезис «влияние важнее власти». Практикующееся в западных подходах понимание власти/влияния, как стремления к прямому и силовому геополитическому контролю, в китайской транскрипции понимается как ограниченное, естественное, точно дозированное, направленное воздействие на ключевые точки регионов и стран, государств и общественных систем. Хорошо разработанные принципы стратегий «побеждать, не сражаясь», «управление миром, помощь народам» (цзинши цзиминь) позволяют Китаю не прямо, но косвенно контролировать происходящие в мире

* Джозеф С. Най-младший (англ. *Joseph S. Nye, Jr.*; род. 1937) - американский политолог, разрабатывающий ряд направлений в рамках нелиберализма. Джозефу Наю принадлежит понятие «Мягкая сила» (*Soft power*), разрабатывавшееся с 1980-х гг. и ставшее одной из значимых концепций в мировой политике, экономике и дипломатии (*прим. ред.*).

процессы. В этом деле руководство КНР ни в чём не полагается на волю случая и гибко действует приёмами «мягкой силы».

В современном Китае концепция «мягкой силы» нашла свое отражение в стратегии китайского руководства, выдвинутой еще на XVII съезде партии (2007 г.), когда в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв о повышении культурной «мягкой» мощи государства и «мягкой силы» во внешней политике. «Мягкая сила» Китая находит свое продолжение в идее социальной гармонии, создание которой является в Китае одной из основных государственных задач.

Китайская мифологема «гармония в мире» становится элементом идеологии взаимодействия КНР с внешним миром. Однако после прихода нового пятого поколения руководства китайская стратегия влияния, реализуемая в принципах «мягкой силы» и «выхода китайской культуры за пределы» посредством гуманитарных технологий, становится все более очевидным инструментом демонстрации государственной мощи Китая. Г.Киссинджер не раз подчеркивал, что современный Китай стал державой, имеющей интересы в каждом уголке Земли.

Применяя свой реалистический подход к балансу сил в Азии, Г.Моргентау* предвидел, что события в Азии, особенно в Китае, могут, в долгосрочной перспективе, нести серьезные последствия для остального мира [28]. Он отмечал, что пробужденные народы Азии будут использовать пространства, природные ресурсы, огромные людские ресурсы, политические силы, современные технологии и современные нравственные идеи, прежде всего, для своих собственных национальных целей. Развивая данную геополитическую концепцию в работе «Дальний Восток», классик реализма констатирует: «Китай станет наиболее могущественной державой на азиатском континенте» [28]. При этом он призывал не преувеличивать значение идеологии в китайской внешней политике, указывая на «поразительный контраст» между идеологическими претензиями КПК и реальной политикой Китая.

«Внешнеполитические шаги Коммунистического Китая, - подчеркивал Г.Моргентау, - с 1949 г. были основаны исключительно на фундаментальных национальных интересах» [27].

---

* Ганс Моргентау (англ. *Hans Morgenthau*) (1904-1980) - американский политолог, общепризнанный основатель и глава школы прагматизма и политического реализма, ведущий теоретик США по внешнеполитическим вопросам (*прим. ред.*).

Необходимо отметить в этой связи, что «модель открытости по всем азимутам» требует адекватного сопровождения безопасности китайских проектов и активов за рубежом. Некоторые западные эксперты высказывают мнение о том, что «китайским лидерам, возможно, против их воли придется взять на себя более заметную роль в обеспечении безопасности в Центральной Азии, чтобы защитить свои национальные интересы. Обострение терроризма и нестабильности в Евразии может нарушить планы нового китайского Шелкового пути в Центральной Азии» [30].

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Для сравнения необходимо коснуться вопроса о становлении Российской государственности. Историческим фактором государственного и имперского строительства и инструментом формирования государственной политики царской России был процесс колонизации. В известном словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение этому понятию: «Колонизация» - массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев какого-либо цивилизованного государства» [26]. Опираясь на традиции вольно-народной колонизации, Россия осуществляла политическую и экономическую экспансии, решая, таким образом, перспективные геополитические задачи, предусматривавшие активное вмешательство государства в этнодемографические и этноконфессиональные процессы, регулирование миграционных потоков. Российское государство как бы росло за счет новых земель. В политике возрождения древнерусской идеи «собираания земель», осуществления проекта «большой русской нации» превалировали не этнические черты, а идея общеимперской идентичности.

Наиболее фундаментально тема «государство и колонизация» разработана В.О.Ключевским. Для него колонизация являлась стержневым процессом в истории России, сформировавшим быт народа и определившим административное деление страны. Хорошо известно его замечание: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с территорией» [9, р. 50].

Историки «государственной» школы заложили традиции рассматривать Сибирь и Дальний Восток как «пространственные и ресурсно-силовые факторы «прирастания» российского могущества». Восточные регионы осмысливались «как

этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в «перекодированном» русском варианте) на мировой периферии» [2, р. 64].

Заметим, что российское продвижение на восток в XVII-XIX вв. не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был еще и сложный процесс интеграции Сибири и Дальнего Востока с центральной Россией, формирование общеимперского пространства. Военная наука, в рамках которой в основном и формировалась российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения» [25, р. 30]. Такая политика предусматривает активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями, которым угрожала демографическая и экономическая экспансия извне.

Всегда существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население на Дальнем Востоке со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов, и даже якутов и бурят, которые воспринимались в качестве конкурентов российскому имперскому колониальному проекту. Народы империи разделялись по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инациональную угрозу как внутри, так и извне империи [18].

Успех переселенческой политики в Сибири объясняется тем, что она опиралась на традиции вольно-народной колонизации, которая, попадая в XIX в. под контроль государства, начинает служить задачам имперского закрепления новых территорий [18]. «Вслед за военным занятием страны, - отмечал известный имперский публицист Ф.М.Уманец, - должно идти занятие культурно-этнографическое» [23, р. 33]. Придать империи большую стабильность, российскому имперскому строительству важный внутренний импульс и обеспечить национальную перспективу был призван стратегический резерв расширения импер-

ского ядра на запад и юго-запад, в Сибирь и на Дальний Восток для реализации задачи построения «большой русской нации» [14, pp. 31-41].

Многоаспектный структурный кризис, связанный со вступлением России в Первую мировую войну, как известно, привел к крушению империи, развалу государственности. Возникновение Советской России, а затем СССР. Распад Советского Союза, формирование и становление Российской Федерации обострили проблему преемственности нового государственно-политического образования по отношению к его историческим предшественникам.

Важным системообразующим элементом сохранения и эволюции внешнеполитической доктрины являются фактор внутренней стабильности, идея сильной государственности и возвращения России к роли великой державы. Анализ влияния исторической традиции на формирование внешнеполитической концепции России в новейшее время показывает преемственность внешнеполитических доктрин и воспроизводство определенной части национально-государственных интересов в исторической триаде Российская империя - СССР - Российская Федерация.

Турбулентная международная ситуация последних лет в отношениях РФ с Западом сместила акценты и заставила переосмыслить ключевые элементы новой внешнеполитической доктрины. Если раньше наша официальная доктрина исходила из того, что Россия - часть Европы и стремится к максимальной интеграции с Евросоюзом и Западом в целом, то сейчас акценты поменялись на восточно-христианский аспект русской цивилизации, на нашу российскую самодостаточность [1].

Доктрина В.В.Путина «Глобализация через регионализацию» исходит из того, что процесс глобализации мира должен идти не из единого центра, охватывая одной сетью всю планету, а идти через развитие региональных интеграционных объединений, опирающихся не только на экономические интересы и связи, но и на целостное культурно-цивилизационное ядро. Иными словами, на повестке дня - реинтеграция постсоветского пространства в новой прогрессивной форме. Зачатки таких региональных объединений уже имеются - это Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

* * *

Изучение исторических и геополитических факторов становления России и Китая, как мощных региональных центров, выявило влияние ста-

тусов обеих держав на формирование внешнеполитических доктрин [19, р. 478]. При разложении на составляющие элементы внешнеполитических доктрин России и Китая, несмотря на цивилизационные различия, обозначается некоторое сходство в установках - в обоих случаях в историческом контексте проявляется специфика отношения верховной власти как державного покровителя и державного покровительства (как процесса) в отношении к малым народам. Подобное сходство, при наличии своеобразных национальных традиций, в разные периоды истории приводило к

столкновению национальных интересов двух стран.

Очевидно, что геополитическое укрепление одного из партнеров в российско-китайских отношениях, ранее приводившее к изменению его внешней политики, неизбежно влияло и на этнополитическое взаимодействие двух стран. В современных условиях КНР и РФ взаимно заинтересованы в развитии и укреплении партнерских отношений, поддержании политического баланса отношений в формате стратегического партнерства.

Список литературы / References

1. Александров М.В. Второе пришествие Владимира Путина и будущее постсоветского пространства (Aleksandrov M.V. The Second Coming of Vladimir Putin and the Future of the Post-Soviet Space) (in Russ.) - <http://m-alexandrov.livejournal.com/14121.html> (accessed 03.09.2016)
2. Алексеев В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы (Alekseev V.V. Asian Russia in geopolitical and civilizational dynamics. Formulation of the problem) (in Russ.) // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 64.
3. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая (Aristova L.B., Semenova N.K. Energy (Hydrocarbon) Projects in Central Asia: Potential Risks and Opportunities for Enhancing Competition between Russia and China) (in Russ.) / Отв. ред. А.И. Салицкий. ИВ РАН, М., Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 11.
4. Бокшанин А.Д. Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв. (Bokshanin A.D. China and the countries of the Southern Seas in the XIV-XVI centuries) (In Russ.). М., АН СССР, Инст-т народов Азии. 1968. С. 43.
5. Видение и действия по совместному строительству Экономического Пояса Шелкового пути 21-го века и Морского Шелкового пути (Vision and actions for the joint construction of the 21st Century Silk Road Economic Belt and the Silk Road of the Sea) (In Russ.) - http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt_2015nnh/t1249618.shtml (accessed 02.02.2016)
6. Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия - Каспий - Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М., МГИМО(У) МИД России; ИНО-Центр. 2003. С. 313-316. (Voskresensky A.D., Luzyanin S.G. China's policy in Central Asia) (In Russ.)
7. Гельбрас В.Г. Китай: возрождение национальной идеи. М., Полития. 2003. № 2. С. 80-90. (Gelbras V.G. 2003. China: the revival of the national idea) (In Russ.)
8. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения (пер. с итал.) / Под общ. ред. И.В. Григорьевой и др. М., Политиздат, 1980. (Gramshi A. 1980. Prison notebooks. M.) (In Russ.)
9. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 50 (Klyuchevsky V.O. 1987. Works in nine volumes) (In Russ.)
10. Корсун В.А. Внешняя политика КНР в 80-е годы (Современный внешнеполитический механизм Китая) // Учебное пособие, гл. IV. М., 1990. С. 34-38. (Korsun V.A. 1990. The foreign policy of the PRC in the 1980s (China's Contemporary Foreign Policy Mechanism) (In Russ.)
11. Корсун В.А. Китайский мировой порядок: трансформация внешнеполитической парадигмы (Korsun V.A. Chinese world order: the transformation of the foreign policy paradigm) (In Russ.) - www.rami.ru/publications/gorchakov/index.html (accessed 12.11.2016)
12. Корсун В.А. Концепция китаецентризма и империализма во внешнеполитических воззрениях Дай Цзитао // Проблемы востоковедения. Ученые записки МГИМО. М., 1978. С. 28. (Korsun V.A. 1978. The concept of Sinocentrism and Imperialism in the foreign policy views of Dai Jitao. M.) (In Russ.)
13. Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // NB: Национальная безопасность. 2014. № 4. С. 31-69 (Kosorukov A.A. China's strategy at the beginning of the 21st century: reaching a global level) (in Russ.) - http://e-notabene.ru/nb/article_13390.html (accessed 05.03.2016)
14. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб, 2000. С. 31-41. (Miller A.I. «The Ukrainian Question» in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (second half of the 19th century) (In Russ.)
15. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. С. 51. (Myasnikov V.S. 1987. The Qing Empire and the Russian State in the 17th century) (In Russ.)
16. Померанц Г.С. Этническое и универсальное в китайской культуре // Тезисы докладов 4-й научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1973. С.15. (Pomerants G.S. 1973. Ethnic and universal in Chinese culture) (In Russ.)

17. Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока, 2012. № 5. С. 14-27. (Portyakov V.Ya. 2012. Deng Xiaoping's foreign policy precepts and their modern interpretation) (In Russ.)
18. Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колониционных процессов XIX - начала XX века / Электронный журнал «Сибирская Заимка». 2002. № 3. (Remnev A.V. 2002. Make Siberia and the Far East Russian. On the Political Motivation of the Colonization Processes of the 19th and Early 20th Centuries) (In Russ.) - http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/ (accessed 12.11.2015)
19. Семенова Н.К. Особенности традиционных внешнеполитических доктрин России и Китая // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч.1 (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 14 / редкол.: А.И.Кобзев и др.). М., ФГБУН ИВ РАН, 2014. С. 478-483. (Semenova N.K. 2014. Features of traditional foreign policy doctrines of Russia and China) (In Russ.)
20. Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине // Жэньминь жибао. 2015. (Xi Jinping attended the exhibition «The Way of Revival» in Beijing) (in Russ.) - <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html> (accessed 12.12.2015)
21. Толковый словарь Ушакова. (Explanatory dictionary Ushakov) (in Russ.) - <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=74793> (accessed 12.11.2016)
22. Титаренко М.Л., Ломанов А.В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока, 2015. № 3. С.18. (Titarenko M.L., Lomanov A.V. 2015. Political and cultural aspects of the strategy of China's emergence as a great power) (In Russ.)
23. Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России / Ф.М.Уманец. СПб, 1884. С. 33. (Umanets F.M. Colonization of Free Lands of Russia) (In Russ.)
24. Уянаев С.В. Новые «Шелковые Пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М., ИДВ РАН. 2015. С. 242-259. (Uyanaev S.V. 2015. New «Silk Roads» of China: the principles and parameters of the official «road map») (In Russ.)
25. Холквист П. Российская катастрофа (1914-1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI. 1998. № 11/12. С. 30. (Holkvist P. Russian catastrophe (1914-1921) in the European context: total mobilization and «population policy») (In Russ.)
26. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / (в 82 тт. и 4 доп. тт). М., Терра, 2001. Т. 30. С. 736. (Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron) (In Russ.)
27. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace // Fifth Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf, 1978. P. 297.
28. Morgenthau H.J. U.S. The Far East / Hans J. Morgenthau, Kenneth W. Thompson and Jerald C. Brauer // Policy in the Far East: Ideology, Religion and Superstition / CRIA Special Studies No. 205. New York: Council on Religion and International Affairs, 1968. [Truth and Power: Essays of a Decade, 1960-70]. P. 389.
29. Nye J.S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Council on Foreign Relations. New York, 2004.
30. Weitz R. Beijing Ponders Central Asian Security [Electronic resource] / China-US Focus-2015. Hong Kong - <http://www.chinausfocus.com/peace-security/beijing-polders-central-asian-security/> (accessed 12.08.2016)